

ВСТРЕЧА

ХИТРЕЦ за спиной Шекспира

Армен
Джигарханян
пробует себя
в роли режиссера

Популярнейший актер театра и кино Армен Джигарханян в 1996 году создал свой театр, который в середине ноября должен переехать в новое помещение и отметить знаменательное событие премьерой «Трех сестер». С режиссером-дебютантом беседует кинорежиссер Гарник АРАЗЯН.

— Почему твой выбор пал на эту пьесу?

— Я трезво сознаю, что я не режиссер. Я могу попытаться... Набранный за много лет опыт работы в театре передать моим коллегам — это тоже не бесполезно. «Три сестры» я очень хорошо знаю: когда я во ВГИКе вел свой курс, мы четыре года репетировали Чехова. Это было принципиально. Каж-

в другом отношении. Связь между режиссером и актером гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Вот поэтому я не знаю, смогу ли я перейти в разряд петухов? Боюсь, что курицей и останусь, потому что я актер по сути своей, понимаешь?

— А кто, по-твоему, актер: человек, который каждый вечер произносит чужой текст, или нечто другое? И что такое сцена, где случается даже такое чудо, когда тяжело больной человек выходит и играет как здоровый?

— Я тебе приведу более элементарный пример: головная боль может пройти на сцене, зубная боль может пройти. Были актеры, которые в жизни заикались, а на сцене говорили нормально. Я так тебе скажу: это некая потребность нервного выброса.

Что же касается актерской профессии, может быть, ты не согласишься со мной, но мне кажется, драматургия для актера лишь повод высказаться. Ты в зале сидишь и знаешь, что я Джигар-

гибают. Так и актер. Поверь, я играл такие спектакли, после которых мне жить не хотелось. В частности, «Последнюю запись Крэппа» Беккета. У меня же здоровая психика, я ничего не выдумываю.

— По числу сыгранных ролей в кино тебя занесли в Книгу рекордов Гиннесса. Какая разница между театральным и киноактером?

— На мой взгляд, никакой. Законы те же. Я думаю, хороший актер и в театре, и в кино одинаков. Вот смотрю я, скажем, на моего любимого артиста Де Ниро и думаю, что он и в театре играл бы точно так же.

— Армен, на наших глазах завершилось одно тысячелетие, идет другое. Ты ощущаешь на себе этот ход времени?

— Однажды я лежал в больнице, у меня были проблемы с сердцем. Рядом лежал старик. Находился он в больнице долго, и как-то врач спросил его: «Как вы себя чувствуете?» — «Не знаю». — «Как не знаете?» — «Вот если я встану и пройду по коридору туда и обратно, тогда смогу тебе сказать, как я себя чувствую». Так и я: не знаю. Во-первых, для меня жизнь не кончена. Я еще хочу, люблю, ненавижу, еще живу. Во-вторых, это же условное деление: второе, третье тысячелетие. Но я хотел бы — эгоистически, чтобы мои клетки реагировали, сердце билось, чтобы жизнь меня волновала.

— Как ты думаешь, новый зритель будет сильно отличаться от сегодняшнего?

— Если серьезно, то, думаю, нет. Потому что люди меняются очень и очень медленно. Для меня загадка, почему эволюция остановилась. Искусству присуще определенное кокетство, и зритель на это реагирует. Прочитав книгу Сальвадора Дали «Дневник гения», я утвердился в своих мыслях. Хотя настоящее — это так, как было при Адаме и Еве.

— Ты часто вспоминаешь Ереван?

— Часто! Часто! Гораздо чаще, чем я думал. Хотя по годам я больше живу в Москве.

— Не означает ли это приближение старости?

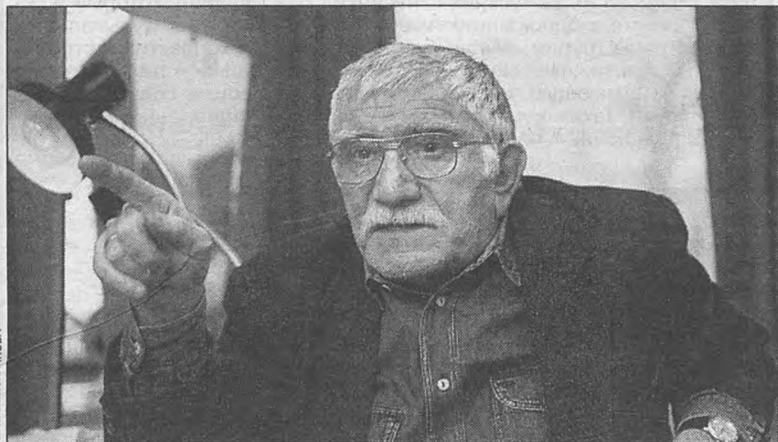
— Пока у меня нет ощущения старости. Честно тебе говорю. Иногда вижу, особенно на сцене — и не казни меня за нескромность, что всем этим молодым я дам фору в сто очков. Сто очков! Но в любом возрасте важно избавляться от иллюзий. Человек должен быть готов ко всему, даже к смерти.

— Легко ли это?

— Ничего не легко! Жить не легко по-настоящему. Надо помнить, что великие старцы, мудрецы готовили себя к смерти. Конечно, не надо умирать раньше смерти, просто надо знать, что она существует.

— Ты не устал так работать: сниматься, ездить, играть?

— Устал! Устал! Потом выплывешь, и опять хочется, потому что это мой заработок, это моя жизнь. Вот, к примеру, хотел бы жить 90 лет? Тебя, допустим, не будет, Нерсика не будет, моей Тани не будет, а чего мне жить тогда? Я же буду чужак. То же самое, думаю, касается искусства. Абсолютно то же самое. Искусство не бывает вне времени и пространства.

НАТАЛЬЯ ПОЧУВА

дый год сдавали новый акт. И вот теперь с молодым коллегой Клепиковым я рискнул обратиться к этой пьесе снова. Скажу без кокетства: это вещь непростая, потому что надо уговорить других людей так думать, так любить, так ненавидеть. В искусстве, как и в любви, насилие не интересно, надо добиться любви, а это сложно — завоевать актера или зрителя, который в другое время родился, у которого другие проблемы, другая кухня и тому подобное. Это нам только кажется, что все хорошее рождается от согласия, а на самом деле оно рождается вопреки.

— Если удастся эта режиссерская проба, ты и в дальнейшем будешь ставить пьесы?

— Не знаю. Добавлю лишь, что в начале сезона мы покажем также пьесу Радзинского «Она в отсутствие любви и смерти». Это очень хорошая вещь, острая, у Радзинского вообще очень точное чувство времени, нерва, проблемы. Режиссура — проблема для меня не простая. Я уже не мальчик, чтобы прыгать, как козочка, экспериментировать. Если увижу, что я от этого не обогащаюсь, а истощаюсь, буду приглашать других режиссеров, пусть они покопаются. У меня нет таких амбиций, чтобы на афише непременно стояла моя фамилия.

— Однако Бергман считает, что руководитель театра, который не ставит пьес постоянно, подобен курице, которая не ходит к петуху, и в конце концов она перестает нестись.

— Может быть, он прав. Но эта мысль мне представляется интересной

хання, а не Ричард III, тем более не Глостер. Но я что-то узнал в жизни и тебе рассказываю. Наивно думать, что мы играем королей. Поэтому на твой вопрос, что такое актер, скажу: это такой хитрец, который прячется за Шекспира и говорит тебе все, что думает, или делает то, что в жизни бы не сделал, испугался бы.

— Правда ли, что актер за всю свою жизнь на сцене играет одну и ту же роль?

— Думаю, правда. Как, впрочем, и режиссер, который ставит один спектакль. В Театре Маяковского мы 25 лет играли «Трамвай «Желание». Когда начинали, у меня не было ни одного седого волоса. А потом я играл совсем седой. Я сорок семь лет в театре. Иногда он представляется мне делом достаточно примитивным, такой ерундой, честное слово: ходят какие-то люди, что-то кладут на лицо, говорят какие-то глупости. А иногда мне кажется, что это место действия инопланетян. Ты, наверное, сам читал, что дельфины переговариваются друг с другом на такой частоте, которую ни человеческое ухо, ни аппаратура не засекают. Искусство сродни этому. Наверное, нет на свете человека, который не знал бы, что Отелло задушит Дездемону. Но все равно же идут смотреть. В театральной теории это называется «новой эмоциональной информацией». Я так много знаю о театре, неприлично много знаю, что порой думаю: невозможно предельно на сцене обнажаться, а ведь это главное в нашем искусстве. Есть какие-то рыбы, которые мечут икру и по-

Армен Джигарханян
25 лет играл в «Трамвае
«Желание»